

К юбилею Велимира Хлебникова. РОМАН С ЯЗЫКОМ В ПОЭЗИИ И НАУКЕ (ХЛЕБНИКОВ - ПАНОВ - ГРИГОРЬЕВ)

Автор: В. И. НОВИКОВ

Романы бывают не только у романистов.

Поэт на протяжении всей жизни пишет роман в стихах. Это может быть роман с любимой женщиной, с Родиной, с Богом. А в эпоху модернизма объектом воспевания все чаще становилось Слово с большой буквы. Что подытожено во многих заклинаниях - от гумилевского "В оный день, когда над миром новым..." до "От всего человека вам остается часть // речи. Часть речи вообще. Часть речи" у И. Бродского. Наиболее цельным и органичным "романом с языком" в XX в., думается, стало творчество Велимира Хлебникова. Ему не нужно было слагать декларативных гимнов Слову, он никогда не терял с ним интимного и абсолютно взаимного контакта.

Более частный, но по-своему также интересный вид "романа с языком" - жизнь и работа профессионального филолога. Любослов, словолюб, он - осознанно или неосознанно - стремится в своей страсти к взаимности и даже может ее удостоиться. Или не удостоиться: не все ведь романы завершаются хеппи-эндом. Два впечатляющих примера очень личных и личностных, по сути своей счастливых "романов с языком" - творения Михаила Викторовича Панова и Виктора Петровича Григорьева. Оба они лингвисты-максималисты, нарушители ведомственных границ. Оба они без спросу, без пропуска вторглись в отечественное литературоведение, обновив и освежив его. Оба они не просто литературоведы, но - литераторы, чуждые усредненного ремесленно-академического языка, смело сочетающие научную терминологию со стихией разговорной речи, с индивидуальными метафорами и гиперболами. Литераторы-будетляне, убежденные, что в XX в. взошло новое солнце русской поэзии, что "наше всё" - уже не то, что во времена Аполлона Григорьева. Сделав Хлебникова точкой отсчета, главной теоретической и исторической Вехой, они - каждый по-своему - показали путь поэтического языка в XX в. как сюжет не эпически-однонаправленный, а романский, полный конфликтов и перипетий. И оба они в этом романном сюжете не сказители, не хроникеры, но активно действующие персонажи, "путейцы языка".

* * *

Хлебниковский "роман с языком" ...Можно ли, прибегая к магической булгаковской формуле сказать, что "роман прочитали"? И да, и нет. У Хлебникова немало подлинных духовных наследников, исследователей, интерпретаторов. Но велимироведам и просто ценителям-понимателям по-прежнему противостоит внушительная компания старых и новых "геростратиков" (словцо Григорьева), о поэте назойливо повторяются привычные мифы, главный из которых - его якобы причастность к тоталитарному сознанию.

Новиков Владимир Иванович - доктор филологических наук, профессор кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Наиболее наглядно эта расхожая "лгавда" опровергается финалом хлебниковского романа в стихах. В 1922 г. написаны два поэтических завещания: политическое - "Отказ" и эстетическое - "Еще раз, еще раз!" (получившее во вдохновенном эссе Григорьева название "Памятник"). Попутно хочется отметить, что в этих двух программно-заветных произведениях свободный стих наглядно демонстрирует свою предельную речевую естественность. Это та самая "неслыханная простота", на фоне которой любая силлаботоника кажется литературщиной (если на то пошло, простота, описанная четырехстопным ямбом, не столь уж "неслыханна" уже по причине чрезмерной "слыханности" размера). Может быть, русский стих XX в. стал бы совсем иным, если бы Хлебников не умер в "положенные" тридцать семь лет? И может быть, русский верлибр еще докажет в веке XXI, что он не вычур, не эстетская аномалия, а самый органичный итог любовного слияния поэта с родной речью?

* * *

Велимир Хлебников.
Похожий на думающее облако.
Похожий на страстный сухой муравейник.
Похожий на исповедь кенгуру.
Похожий на философствующие часы.
Только на себя похожий.

Это первое стихотворение из написанного Пановым цикла "Звездное небо" - единственного в своем роде поэтического исследования, где в произвольном (не хронологическом) порядке представлены "те образные впечатления, которые возникают... при чтении русских поэтов". Панов поздно начал печатать свои стихи, а вторая его книга "Олени навстречу" (М., 2001), куда вошло "Звездное небо", вышла в свет уже после кончины автора. Для тех, кто был знаком с научными трудами Панова, не стало неожиданностью, что этот поэтический цикл с Хлебникова начинается и Хлебниковым заканчивается: "О, мир, мир! Мир Велимира". Так сказать, альфа и омега... Примечательно, что Панов, начавший слагать верлибры еще в юности, но писавший также и метрические стихи, именно свободный стих выбрал в качестве метаязыка для образного описания всех русских поэтических миров: А. Кантемир, М. Ломоносов, А. Радищев, А. Пушкин - все они здесь как бы "переведены" на верлибр.

Этот цикл - поэтическая глава из пановского "романа с языком". Ту же тему он развивал и научной прозой в своем знаменитом курсе лекций в МГУ, формально именовавшегося "историей языка русской поэзии", а по сути явившего пример подлинной исторической поэтики. Опоязонец по духу и убеждениям, Панов своим примером показал, что подлинному литературоведу полезен роман не с политикой, не с идеологией, не с философией, не с религией (все это материи важные, но для поэзии и прозы подчиненные, именно "материальные" в свете главной опоязовской антитезы) - нужен глубокий и напряженный "роман с языком".

Да и в сфере чистой лингвистики возможны ошеломляющие романические перипетии. Ведя на равных свой диалог с языком, Панов предложил ему (да, именно русскому языку, а не просто научному сообществу) проект усовершенствования русской орфографии, укрепления в ней фонематического принципа. Проект, с которым он лет на 100 поторопился. Нужна была не только научная, но и творческая, поэтическая смелость для того, чтобы предлагать отказ от мягкого знака на конце слов после шипящих, отказ от "ы" после "ц" и т.д. 40 лет прошло с тех пор. В наши дни предложения самых невинных и необходимых поправок к орфографии вызывают страх у неграмотных властей и полуграмотной толпы, вопящей о мифической "реформе русского языка". И тем не менее мне верится, что будущее - за будетлянами, что сам русский язык возьмется за обновление своей орфографической одежды по пановским предначертаниям.

Сопоставляя метафорический строй Хлебникова с метафорическим строем В. Маяковского, Панов говорил: у Маяковского сравнение - это лишение, а у Хлебникова - дарение. И сам он всегда отдавал предпочтение метафорам мелиоративным, дарительным. Системные эпохи в истории русского произношения он обозначил цветами радуги - от "пурпурной" и "лиловой" до "оранжевой" и "алой". И это не просто наглядная и удобная для запоминания картинка - это поэтическое переименование сущностей, преобразование предмета творческим взглядом художника. Роман с языком - дело гедонистическое. А лучше сказать - "наслажденческое". Именно так выразился бы Панов, который при всей своей авангардности любил находить для иноязычных терминов славянские эквиваленты - не в шишковско-солженицынском, а в хлебниковском духе.

* * *

"Слово - пяльцы; слово - лен; слово - ткань" - эту хлебниковскую формулу начертал на своем щите Григорьев, обозначив ею и свою эстетическую стратегию, и научную методологию.

В нашей филологии XX в. немного таких решительных и последовательных защитников русского поэтического авангарда. Слово "будетлянин", вынесенное в заглавие большого сборника работ о Хлебникове, в равной мере относится и к автору, и к герою книги. Стратегия "будетлянства" едина для поэта и филолога. Но тактика исследователя требует слова, независимого от предмета, не подражательного по отношению к нему. Метаязыком описания космической поэтики Хлебникова у Григорьева стала речь ясная, внятная и темпераментная. Ясность и внятность григорьевского дискурса - реальное, вещественное доказательство содержательности хлебниковского творчества, где все смыслоносно, все поддается рациональной, но при этом не бездушной интерпретации. А темперамент помогает постоянно держать высокий эстетический градус, поведенчески подтверждать тезис о недооцененности и непонятности хлебниковского мира.

Речевое поведение Григорьева - постоянный вызов академической филологии, исповедующей безэмоциональность и безоценочность в подходе к своему предмету. Как речевая личность Григорьев подобен образу вольнодумца, "лишнего человека" в русской литературе XIX в. Он - Чацкий в фамусовском кругу советского и постсоветского научно-литературного истеблишмента. Он сражается не только с заведомо идейными противниками, но и с теми единомышленниками, что, по его понятиям, изменили высоким идеалам. Таково его отношение к В. Шкловскому, не удержавшемуся, по логике Григорьева, на высоте "гамбургского счета", по которому "Хлебников был чемпионом". В этом случае можно было поспорить, если бы речь шла только о рассудочных материях. Но перед нами драматическая коллизия, задевающая важный духовно-эстетический нерв эпохи. Значимо даже совпадение имен участников: все Викторы - и Хлебников, и Шкловский, и Григорьев. (Кстати, Панов, Викторович по отчеству, к Шкловскому был более благосклонен.) В целом же это "спор славян между собою", в нем нет побежденных - все победители.

У современной интеллигенции, в том числе и литературно-филологической, немного осталось общих незыблемых принципов. Пожалуй, все-таки единой базой может быть неприятие лжи. Однако ложь бывает разнообразна, многолика. Панов и Григорьев, защищая от нападок и непонимания новаторское искусство, вывели на свет божий особую разновидность лжи - *ложь эстетического консерватизма*. А ведь подобный консерватизм у нас до сих пор считается чуть ли не добродетелью. Будетляне всегда в меньшинстве в споре с теми, кто оценивает искусство мерками прошлого, с миром "прошляков", если воспользоваться крученыховским словечком.

Григорьев постоянно выходит "на торг, на рынок", расширяет полемический контекст, апеллирует не только к трудам коллег, но и газетным материалам, к речам, звучащим с телеэкрана. Алфавитный указатель имен к книге "Будетлянин" порой приобретает оксюморонно-гротескный характер, здесь налицо какой-то футуристический

сдвиг, будто смешались две разные книги: Б. Гордееву-Божидару предшествует М. Горбачев, В. Жирмунскому - В. Жириновский, С. Кирсанову - Ф. Киркоров... Григорьев - идеалист и утопист. Он верит в силу разума, во всепонимание языка, в возможность соборного приближения к истине. Поэтому он не боится применять к Хлебникову такие, казалось бы, скомпрометированные категории, как "идейность" и даже "идеология". Взятые в духе хлебниковского космизма, *sub specie aeternitatis* (под знаком вечности. - лат.), они очищаются от советского привкуса и запаха. Таково же интертекстуальное поведение Григорьева. Для высокой цели он может использовать даже такой "низкий" и непрестижный материал, как Марксова риторика, радикально его трансформируя: "Философы до сих пор изменяли Велимиру. Их долг - объяснить его".

Утопии бывают ложными, но бывают и верными, истинными по своей сути, независимо от конъюнктурных возможностей реализации. Одна из высоких утопий Григорьева - лингвистическая критика, к созданию которой он призывал еще с 1970-х гг. Мечта не сбылась: наша литературная критика не сделалась лингвистической - ни в тогдашние застойные годы, ни в нынешнее свободно-разгульное время. По-прежнему "хорошим языком" прозы критики в основном называют чинный, инерционный бонтон, а всепобеждающий масскульт сделал нормой нулевой язык, па-речь акунинского или пелевинского разлива. И современная поэзия, если говорить о ней в целом, "корчится безъязыкая" - это при том, что в ней активно сотрудничают многие критики и филологи, все "лингвистическое неповиновение" которых, к сожалению, нередко состоит в широком внедрении матерщины и унылой эксплуатации "вороха скверных цитат". Но, может быть, "лингвистическая критика" - это проект, заброшенный в будущее? Надеюсь, сам русский язык понял Григорьева и еще оценит по достоинству его рыцарский порыв.

* * *

Любая любовь истинна - при условии взаимности. То, что возникает между двумя людьми, создает некую третью реальность (я называю ее окказиональным словом "междунамие" или "междунимие"). И эта реальность сама по себе есть неоспоримая ценность, неподвластная постороннему суду. Так, в общем, обстоит дело и в сфере словесности, в сфере интимного диалога между говорящим-пишущим и Словом как таковым. Роман с языком не обманет своего честного протагониста - будь то поэт стиха или поэт науки.